

Э. Б. ШТЕЦ

**ЗАМЕТКА М. К. АЗАДОВСКОГО
«ПИСЬМО ПАВЛА БЕСТУЖЕВА
О ДУЭЛИ НОВОСИЛЬЦЕВА И ЧЕРНОВА»**

В личном архиве фольклориста и декабристоведа Марка Константиновича Азадовского (1888–1954) сохранилась копия письма Павла Александровича Бестужева, младшего брата декабристов Николая, Александра, Михаила и Петра Бестужевых, к сестрам Елене, Марии и Ольге, в котором упоминается известная дуэль (10 сентября 1825 г.) флигель-адъютанта Владимира Дмитриевича Новосильцева и члена Северного общества декабристов подпоручика лейб-гвардии Семеновского полка Константина Пахомовича Чернова¹. Вместе с письмом хранится вступительная заметка М. К. Азадовского «Письмо Павла Бестужева о дуэли Новосильцева и Чернова» с комментариями (Фонд М. К. Азадовского. НИОР РГБ. Ф. 542. К. 30. Ед. хр. 1. Л. 1–10).

История этой дуэли, в которой погибли оба участника, широко освещена в мемуарах и литературе². История ее началась в 1824 г., когда

¹ Ранее место и дата рождения декабриста К. П. Чернова оставались неизвестными. Запись о его рождении обнаружена мною в метрической книге Преображенской церкви в Спасской г. Москвы за 1802 г. «Мая 14. Мещанской части частного пристава у майора Пахома Кодратова Чернова родился сын Константин, крещен того месяца 18-го дня. Восприемником был генерал-майор Димитрий Васильевич Кочетков, восприемница была графиня девица Анна Васильевна Толстая дочь» (ЦГА Москвы. Ф. 2126. Оп. 1. Д. 727Б. Л. 4).

² *Кронотов Д. А.* Несколько сведений о Рылееве // *Русский вестник*. 1863. Т. 80. С. 229–245; *Оболенский Е. П.* Воспоминания о К. Ф. Рылееве. Предсмертная записка Чернова (писана рукою Александра Бестужева); Условия дуэли флигель-адъютанта Новосильцова с поручиком Черновым; Записка о поединке Новосильцова с Черновым (писана Рылеевым) / Бумаги о поединке Новосильцова с Черновым // XIX век. Сборник 1-й. М., 1872. С. 312–332, 333–337; Воспоминания Н. И. Шенига // *Русский архив*. 1880. Кн. III. С. 319–321; *Шубинский С. Н.* Дуэль Новосильцева с Черновым // *Исторический вестник*. 1901. Кн. V. С. 591–602; Письма В. Савина 1825 и 1826 гг. // *Щукинский сборник*. Т. 7. 1907. С. 350–351; *Завалишин Д. И.* Воспоминания. М., 2003. С. 122–124.

24-летний флигель-адъютант Свиты императора В. Д. Новосильцев и 17-летняя Екатерина Пахомовна Чернова встретились и полюбили друг друга. Новосильцев принадлежал к высшему светскому обществу, а Чернова – к мелкопоместному дворянству. Несмотря на взаимные чувства и желание жениться, мать Новосильцева Екатерина Владимировна, урожденная графиня Орлова, выступила против брака своего единственного сына. В результате В. Д. Новосильцев отказался от своего обещания взять в жены Екатерину Пахомовну. Это возмутило семейство Черновых, и брат невесты Константин вызвал на дуэль отказника. Но тогда Черновы и Новосильцевы смогли договориться о возможном бракосочетании и смягчить эмоциональный накал. И хотя Е. В. Новосильцева вынуждена была пойти на уступки, чтоб не довести дело до дуэли, она под разными предлогами оттягивала дату свадьбы. В конечном итоге К. П. Чернов, подстрекаемый одним из лидеров Северного общества К. Ф. Рылеевым, вызвал В. Д. Новосильцева на дуэль. Смертельно раненные дуэлянты скончались – Новосильцев 14 сентября, Чернов 22 сентября. Похороны Чернова состоялись 27 сентября при активном участии членов Северного общества и превратились в общественную демонстрацию.

Так сложилось, что в смертельной дуэли принято винить мать Новосильцева, чья «аристократическая спесь» не позволяла видеть своей единственной невесткой женщину, происходившую из неродовитых и нетитулованных дворян. Позже она признала свою роковую роль в смерти сына, и вся оставшаяся ее жизнь была окутана трауром. Надо отметить, что представители императорской семьи с сочувствием отнеслись к гибели Чернова. Однако в данной истории есть некоторые аспекты, в которых не совсем этично выглядят члены семьи Черновых и их сторонники.

Семья Черновых, узнав, что молодой аристократ В. Д. Новосильцев влюблен в Екатерину, захотела заполучить такого жениха. Дворянское сословие было дифференцировано, и такой брак для небогатых и незнатных Черновых считался крайне выгодным: он решал не только материальное положение Екатерины, но благодаря вновь приобретенным родственным связям мог бы способствовать карьерному росту ее братьев. Именно родители невесты допустили неподобающее сближение молодых людей, которое, вероятнее всего, привело к интимным отношениям. О непозволительном сближении напишут многие мемуаристы, например, декабрист Евгений Петрович Оболенский, офицер Генерального штаба Николай Игнатьевич Шениг, военный писатель генерал-майор Дмитрий Андреевич Кропотков. Некто В. Савинов, недвусмысленно намекая, напишет своему брату 1 октября 1825 г.: «Новосильцов <...> обходился уже довольно вольно со своей невестой и наконец ... (пропуск издателя. – Э. III.) понимаешь. Отец Чернов, узнав, требовал,

чтобы он немедленно на ней женился или стрелялся бы с ее братьями насмерть так, что, ежели он их всех перебьет, то он и сам, старик, будет стреляться с ним»³.

Несмотря на то что все виды дуэлей в России с начала XVIII в. были официально запрещены, а их участникам грозило строгое наказание, поединок оставался один из способов разрешения споров и защиты чести. Иногда гипертрофированное понятие о чести и общественное мнение, реагирующее на тот или иной поступок, не оставляли выбора дворянину и вынуждали его сознательно нарушать закон, требуя удовлетворения за нанесенное оскорбление. Присутствию дуэли в повседневной жизни дворянства способствовал тот факт, что даже за убийство на дуэльном поединке следовало относительно мягкое наказание.

Отец семейства, гевальдигер 1-й армии генерал-майор Пахом Кондратьевич Чернов, сначала допустил сближение влюбленных, а потом пожелал закрыть свою ошибку возможной дуэлью. Но первым стреляться за честь дочери он не решился, а под пули подставил своих сыновей. И только после их гибели готов был стать последним оплотом чести дочери. С таким количеством соперников и выбранными жесткими условиями дуэли Новосильцев был обречен, и поединок больше походил на убийство. Позиция Черновых прослеживается в ноябрьском письме 1824 г. старшего брата Сергея к Константину: «Желательно, чтобы Новосильцев был наш зять; но ежели сего нельзя, то надо делать, чтоб он умер холостым»⁴.

Почти год братья Черновы в Петербурге и в Москве оказывали давление на Новосильцева, чтобы он выполнил свои обязательства и даже успели поочередно вызвать его на дуэль. Хотя семья Новосильцевых и дала согласие на брак, но без конкретного срока, что давало повод Новосильцеву оттягивать венчание. Мать Новосильцева, хорошо знавшая главнокомандующего 1-й армии генерала от инфантерии графа Ф. В. Остен-Сакена, попросила его воздействовать на отца Черновых. Тот надавил на своего подчиненного, и отец, пренебрегая честью оскорбленной дочери и больше заботясь о служебном положении, потребовал от сыновей, чтобы они прекратили принуждать Новосильцева.

Декабрист Д. И. Завалишин напишет, что мать Новосильцева через Остен-Сакена принудила отца Чернова «написать отказ Новосильцеву, чтобы не заставляя его ездить в Могилев и не подвергать его “афронту” публичного отказа от какого-то Чернова. Новосильцев поспешил прислать это письмо брату Черновой, но так как тот в то же самое время получил и от отца объяснение всего дела, то дуэль стала

³ *Оболенский Е. П.* Воспоминания о Рылееве. С. 317; Воспоминания Н. И. Шенига. С. 320; *Кропотов Д. А.* Несколько сведений о Рылееве. С. 241; Письма В. Савинова 1825 и 1826 гг. С. 350.

⁴ Предсмертная записка Чернова (писана рукою Александра Бестужева). С. 334.

неизбежно <...> Чернов поехал в Москву, и там Новосильцев снова дал слово ехать в Могилев и кончить дело так, как прежде было условлено, но снова обманул и приехал в Петербург, и потому дуэль должна была состояться»⁵.

В литературе нет сообщения, почему именно на Константина Чернова пал жребий стреляться первым, хотя в семье он не был старшим сыном. В предсмертной записке К. П. Чернова чувствуются нотки безысходности, в связи с тем, что он оказался заложником ситуации: «...предлог теперешней дуэли нашей существовал только в клевете злоязычия и в воображении Новосильцева <...> уверения Новосильцева в неумышленности его поступка заставило меня извиниться перед ним в дерзком моем письме к нему и, казалось, искреннее примирение окончилло все дело. Время показало, что это была одна игра, вопреки заверениям Новосильцева и ручательства благородных его секундантов. Стреляюсь на три шага, как за дело семейное; ибо, зная братьев моих, хочу кончить собою на нем»⁶.

Вероятно, свой вклад в выбор дуэлянта оказал К. Ф. Рылеев – как родственник и как руководитель тайного общества, членом которого являлся К. П. Чернов. Как заметит Н. И. Шениг: «На беду в Петербурге они (Черновы. – Э. Ш.) знакомы были с известным Рылеевым. Тот, заклятый враг аристократов, начал раздувать пламя, и кончилось тем, что осенью 1825 года “семеновский” Чернов вызвал Новосильцева»⁷. Рылеева не устраивало, что Новосильцев оттягивает срок женитьбы, он считал, что этим конфликтом следует преподать урок высшей аристократии и, не дожидаясь условленного срока, декабрист направил ему письмо с требованием дополнительных объяснений. Но Новосильцев не стал объясняться с Рылеевым, а в письме к К. П. Чернову (15 августа) высказал, что посторонние не должны вмешиваться в это дело, что в сентябре он получит отпуск и приедет в Могилевскую губернию к родителям Чернова.

К. Ф. Рылеев через некоторое время объяснит в особой записке, что Новосильцев уклонялся от поездки в Могилев, и «подпоручик Чернов, не видя еще исполнения сего обещания, узнал, что отец его вынужден был сторонними средствами прислать Новосильцеву письменный отказ и что по сему случаю имел генерал-майор Чернов сильное огорчение. Подпоручик Чернов, чувствуя, что главною причиною сего был Новосильцев, сделал ему вызов 8 числа сего месяца»⁸.

Рылеев своей горячей натурой и способностью убеждать мог уговорить Чернова, ради интересов тайного союза, согласиться на «классовую»

⁵ Завалишин Д. И. Воспоминания. С. 122–124.

⁶ Предсмертная записка Чернова (писана рукою Александра Бестужева). С. 333.

⁷ Воспоминания Н. И. Шенига. С. 320–321

⁸ Записка о поединке Новосильцова с Черновым (писана Рылеевым). С. 337.

дуэль. Эта дуэль уже больше нужна была Рылееву, чем Черновым. Неудивительно, что в предсмертной записке К. П. Чернова просматривается ярко выраженный классовый подтекст: «Пусть паду я, но пусть падет и он, в пример жалким гордецам, и чтобы золото и знатный род не насмеялся над невинностью и благородством души»⁹.

Попав не без участия Рылеева в паутину «защиты чести семьи», Константин Чернов по моральным принципам того времени уже не мог отказаться от дуэли. Именно Рылеев передал Новосильцеву вызов на дуэль. Генерал Д. А. Кропотков констатирует, что Новосильцев стрелялся, «уже имея согласие своей матери на вступление в брак»¹⁰.

Руководство Северного общества превратило похороны Чернова в первую в России уличную манифестацию. Декабрист В. И. Штейнгейль через месяц после дуэли напишет писателю М. Н. Загоскину «о великопленных похоронах Чернова», о «новом, доселе небывалом духе общестственности» и огромной массе народа, а через несколько десятков лет похороны Чернова назовет «ответом оскорбленного плебеизма»¹¹. Вместо скорби и грусти члены тайного общества находились в состоянии эйфории от того впечатления, которое они произвели на столичное общество манифестацией на похоронах. Декабрист Г. С. Батеньков вспоминал, как другой декабрист А. А. Бестужев «с радостным видом» говорил ему, что «напрасно полагают, будто бы у нас нет еще общего мнения», и похороны «представлял в виде демократического торжества»¹².

Пройдут годы, и бывший участник этих похоронных «торжеств» декабрист Е. П. Оболенский резюмирует, что К. П. Чернов, «вступаясь за честь сестры, пал жертвою того грустного предрассудка, который велит кровью омыть запятнанную честь. Предрассудок общий, чуждый духа христианского! Им ни честь не восстанавливается и ничто не разрешается, но удовлетворяется только общественное мнение, которое с недоверчивостью смотрит на того, кто решается не подчиниться общему закону»¹³.

М. К. Азадовский

Письмо Павла Бестужева о дуэли Новосильцева и Чернова

Дуэль Новосильцова и Чернова явилась одним из крупнейших общественных событий накануне 14 декабря 1825 г. История ее неоднократно излагалась в различных мемуарах и исторических сочинениях и достаточно хорошо

⁹ Предсмертная записка Чернова (писана рукою Александра Бестужева). С. 334.

¹⁰ Кропотков Д. А. Несколько сведений о Рылееве. С. 242.

¹¹ Штейнгейль В. И. Сочинения и письма. Т. 1. Иркутск, 1985. С. 147, 207.

¹² Батеньков Г. С. Развитие свободных идей // Батеньков Г. С. Сочинения и письма. Т. 2. Иркутск, 2015. С. 134.

¹³ Оболенский Е. П. Воспоминания о К. Ф. Рылееве. С. 318.

известна^а. Напомним только основные факты. Поводом для дуэли послужил отказ флигель-адъютанта Новосильцова от выполнения обещания жениться на дочери ген[ерал]-майора Чернова, несмотря на то, что она была официально объявлена его невестой и неоднократно назначался срок свадьбы. Причиной отказа было недовольство его матери (урожденной Орловой) неравным браком. Брат оскорбленной девушки вызвал Новосильцова на дуэль, которая и окончилась смертью обоих участников.

К. Чернов был членом Тайного Общества, и в этом деле приняли участие ближайшие его товарищи по Обществу, в том числе Рылеев и А. Бестужев. Рылеев был секундантом со стороны Чернова. Членами Тайного общества данный конфликт рассматривался не как факт личной биографии двух молодых людей, но как общественное явление, имеющее более широкий смысл и значение. Принципиальное значение этой дуэли четко сформулировано А. Бестужевым в письме, составленном им от имени Чернова («предсмертное письмо Чернова») «Пусть паду я, но пусть падет и он, в пример жалким гордецам, и чтобы золото и знатный род не насмеялся над невинностью и благородством души»^б; в том же духе была составлена и официальная записка о дуэли, написанная Рылеевым^с. Оба эти документа были распространены в многочисленных списках и играли роль своеобразных прокламаций. Похороны же Чернова, организованные офицерами Семеновского полка и проходившие фактически под руководством членов Тайного Общества, превратились в грандиозную демонстрацию. Приглашения на похороны рассылались и обществами офицеров других полков^д. По свидетельству Якушкина, опиравшегося на рассказы декабристов, на похоронах присутствовали все члены Тайного общества; Штейнгейль писал о них как о проявлениях «доселе небывалого духа общественности»^е. Батеньков сообщал на следствии, что А. Бестужев изображал эти похороны как «демократическое торжество» и как открытое «проявление общественного мнения»^ф. Это общее настроение иллюстрирует и публикуемое ниже письмо Павла Бестужева.

В семье Бестужевых был особенно велик интерес к этой дуэли. Бестужевская семья была сама построена на «неравном браке». Мать Бестужевых происходила из среды городского мещанства. Первенец Бестужевых, Николай, родился еще до официального оформления их брака. Поэтому вполне понятен тот специфически-личный интерес, помимо общественного, который проявляли все члены семьи Бестужевых ко всем перипетиям трагически завершившейся семейной драмы

^а Общественное движение в России в первую половину XIX века. Т. 1. Декабристы М. А. Фонвизин, кн. Е. П. Оболенский и бар. В. И. Штейнгейль. Составили В. И. Семевский, В. Богучарский и П. Е. Щеголев. СПб., 1905. С. 239–242; «Воспоминания о Рылееве» Е. Оболенского // XIX век. Сб. 1. М., 1872. С. 333–337; С. Н. Шубинский. Дуэль Новосильцова и Чернова // Исторический вестник, 1904; <Т. Степанова>. Новосильцевская церковь. Изд. Кружка по изучению Лесного. Лесной. 1917; К. Рылеев. Полное собрание стихотворений. Ред., предисловие и примечание Ю. Г. Оксмана. Л. <1934>. С. 393–397.

^б XIX век. Сб. 1. С. 334.

^с Там же. С. 335–337.

^д Об этом сообщил в своем показании Батеньков: *Довнар-Запольский М.* Мемуары декабристов. Киев, 1906. С. 164.

^е Общественное движение... С. 294.

^ф *Довнар-Запольский М.* Указ. соч. С. 165.

Черновых. Письмо Павла Бестужева, написанное в сугубо осторожных тонах, свидетельствует, что и мать, и сестры были очень хорошо осведомлены о всех предшествующих событиях.

Автор письма – младший член знаменитой семьи декабристов. Как младший по возрасту, он единственный из братьев не принимал участия в восстании 14 декабря. Великий князь Михаил Павлович после ареста четырех братьев Павла обещал ему свою милость и покровительство. Но, как пишет М. Бестужев: «Присутствие брата Бестужевых посреди лихорадочно потрясенной 14-м декабря молодежи было опасно». Павел вскоре же по каким-то совершенно необоснованным и вздорным обвинениям был арестован, отправлен на год в Бобруйскую крепость, а затем в действующую армию на Кавказ. Первоначально он был направлен на службу «в одну из тех крепостей, куда, – по словам того же М. Бестужева, – Ермолов ссылал тех офицеров, которые по суду должны были идти в Сибирь под солдатскую лямку».

В рядах действующей армии П. Бестужев проявил себя как способный и храбрый офицер. О его спокойном мужестве и храбрости неоднократно упоминает в письмах к родным Александр Бестужев^g, о том же свидетельствуют и некоторые мемуаристы^h. Вследствие расстроенного на военной службе здоровья он скоро вышел в отставку, служил в течение некоторого времени в Управлении военно-учебными заведениями. Затем, после женитьбы, совсем оставил службу, занялся сельским хозяйством, но вскоре умер на 39-м году жизни (1808–1846).

Бестужевская одаренность заметно проявилась и в нем: подобно старшему брату, он был талантливым изобретателем. Сконструированное им специальное приспособление для пушек получило широкое распространение и было введено во всей армии (т.н. «бестужевский прицел»). Обладал он и безусловным литературным талантом, о чем свидетельствуют его письма к братьям, сохранившиеся в бумагах М. И. Семевого. Старшие братья усиленно стремились побудить его к литературной деятельности; под их давлением и, особенно, под влиянием брата Александра, с которым он был наиболее дружен, он написал очерк «Замечания на статью “Путешествие в Грузию”», помещенную когда-то в одном из московских

^g Тема храбрости является основной в письмах Александра Бестужева к младшему брату. Замечательное его письмо из Якутска от 10 янв. 1829 г., представляющее собой пространное рассуждение о храбрости и ее синонимах («дерзость», «мужество», «отвага», «смелость», «бесстрашие»), опубликовано Г. В. Прохоровым («Былое», 1925, № 5, стр. 117–119). В этом же плане чрезвычайно важно и характерно более раннее письмо его на ту же тему, оставшееся почему-то неопубликованным (Арх[ив] Бест[ужевых], № 5574, Ф. 604, № 5, л. 15). Ввиду большого интереса, которое оно представляет, приводим его полностью: «Якутск. 1828, 25 сент. Любезный Поль, мне радостно было услышать, что твои начатки в службе удостоены были внимания начальства. Никогда не сомневался я в твоём рвении, но успех нередко зависит и от случая. Благодарю же Проведение за прошедший и будь достоин грядущих. Это помирят с тобой свет и тебя с судьбою, счастье в нас, а не вне нас. Желая тебе, впрочем, внешнего и душевного – для юности они необходимы оба. Прости. Не напоминаю тебе о храбрости, если ты находишься в рядах русских; не напоминаю о прямоте, ты – Бестужев. Напоминаю об одном хладнокровии: оно – око в битве и в мире. Мысля моя делит с тобою, милый брат, все похвальное. Пиши ко мне. Александр Бестужев».

^h Торнау. Воспоминания о Кавказе и Грузии // Рус[ский] вестн[ик]. 1869, IV, стр. 174.

журналов. Но этот очерк появился в журнале под именем Марлинскогоⁱ, что произошло якобы по нечаянной ошибке редактора-издателя. Этот непристойный поступок очень оскорбил Павла Бестужева и отвратил его от дальнейшей литературной деятельности.

1-го октября 1825.

Милые сестрицы, я чувствую, что заслужил ваши справедливые укоризны, и постараюсь, сколько возможно, исправиться. Еще я вас не поздравлял с счастливым путешествием в Тифин^j; радуюсь, что он вам понравился, но не понимаю, что мне хотела сказать Олинька в своем письме о Тифине. Жалею весьма, что ваши соседи и наш петербургский гость вас оставляют на добычу скуки, которая с дождливой осенью неразлучна. Боюсь писать вам о наших новостях, чтобы вас слишком попечалить.

У нас в Петербурге случаются весьма частые убийства и воровство, несмотря на расторопность нового полицмейстера. Пожалейте о графе Гурьеве, который приказал вам долго жить^k.

Новосильцов и Чернов умерли – один спустя пять дней, другой – 13-ть. Но какие различные впечатления оставили они после себя. Новосильцов умер кругом виноватый, не оставя по себе ни малейшего соболезнования. Другой заслужил почтение справедливостью своего поступка, участие всех, кто имел уши и доброе сердце, терпением и возвышенностью души, перенося все мучения с необычайным спокойствием. Вообразите себе его положение, пуля, пробивши череп и разделяя, прошла сквозь мозг и, ударясь о затылок, опустилась. Чтобы он прежде смерти не сошел с ума от нагноения в мозгу, просверлили ему затылок; потом покушались искать пулю, зонг пропустили, начиная от раны до отверстия, сделанного в затылке, и не нашли. Какие мучения он чувствовал в это время и был спокоен и в полном уме до самой смерти, не произнося ни малейшей жалобы. Как благородны семеновские офицеры, они дежурили по 4 человека день и ночь.

Вы не можете представить, как хоронили его. Вообразите, что все почти гвардейские офицеры провожали его пешком до самого кладбища; Необыкновенное стечение народу, который толпился с участием до самого места. Сколько было незнакомых дам, которые плакали от участия. Вы не поверите, чтобы эта история принималась каждым, как будто бы он принадлежал к фамилии Чернова. Хоронили на свой счет семеновские офицеры, им стоило десять тысяч.

Не слышали ли вы, рассказывают еще о попе с козлиными рогами. Два бедных крестьянских сына, потеряв отца, пришли к попу просить его похоронить; но он не соглашался без денег сего сделать. Они решились сами зарыть отца и, роя яму, увидели сосуд с деньгами; раздумав самим зарывать отца по избытку денег, придут к попу и дают ему назначенное число денег за работу. Последний, выведав, где они их взяли, решил присвоить себе. Ночью, убив черного козла, надел его шкуру с рогами и в виде черта потребовал у мужиков кладу, как бы ему принадлежащего.

ⁱ Сын Отечества, 1838, т. 1. Критика, стр. 1–15.

^j Г. Тихвин.

^k Гр. Гурьев Дмитрий Александрович (1751–1825) – министр финансов; имел репутацию казнокрада и «народного грабителя».

Получив оный, хотел снять с себя кожу, но было поздно, она приросла к его лицу. Вероятно, это пасквиль на попов¹.

Брат Михайло получил роту. Петруша представлен к Владимиру. Кланяется вам Настасья, Любовь Ивановна и Прасковья Ивановна. Попросите прощения за меня у маменьки, что не к ней адресую мое письмо. Радуюсь, что она освободилась от флюса и здорова. Скажу про себя, что я здоров и весел; часто танцую и обедаю на званных обедах. Простите, мои дорогие, жалею, что не могу сам быть у вас, сам расцеловать вас до крайности.

Еще раз простите, мои милые сестры, весь ваш Павел.

P. S. Греки передались англичанам, это очень досадно Государю, который хочет (как кажется) объявить их независимыми. Поговаривают о войне с турками, австрийцами и англичанами. «Повеселись, мой верный меч, пока глава не спала с плеч»^m.

РЕЗЮМЕ

Для публикации предложено письмо Павла Бестужева, брата четырех декабристов, о дуэли между членом Северного общества К. П. Черновым и флигель-адъютантом В. Д. Новосильцевым. Оно является существенным дополнением к уже известным историческим материалам и ценно тем, что написано современником событий и человеком, близким к декабристским кругам. В письме отражаются следы городской легенды о рогатом попе. Вместе с письмом публикуется заметка М. К. Азадовского, готовившего к публикации письмо П. А. Бестужева в сопровождении комментариев. В публикации акцентировано внимание на некоторых аспектах поведения членов семьи Черновых и их окружения, касающихся защиты чести семьи.

¹ Сообщенный П. Бестужевым рассказ о рогатом попе был очень распространен в двадцатые годы XIX в.; упоминания о нем находятся у Завалишина (Др[евняя] и Новая Россия, 1879, XI, стр. 403–409), в письме А. Измайлова (опубликовано М. К. Азадовским в примечаниях к «Народным русским сказкам» А. Н. Афанасьева [Т. 2. Л., 1938. С. 630]). Осенью 1825 г. толпы народа стекались у Казанского собора и у Александро-Невской лавры, где, по слухам, можно было видеть водимого на покаяния попа. Были известны в то же время и другие версии этой легенды. Одну из них привел А. С. Шишков в письме к Александру I для иллюстрации растущего «буйного духа времени». По этой версии, поп надел козью шкуру не ради корыстных целей, а «для совершения неистовства» (В. Иконников. Граф Н. С. Мордвинов. СПб., 1873). Третью версию, относящуюся к тому же времени, собобщил Бакунин: «В Киеве у одного попа выросли рога в наказание за грехи <...> Жертву Божьей кары повезли якобы в Петербург для расследования, и сотни тысяч крестьян спешили на столбовую дорогу, чтоб взглянуть на это чудо» (М. Бакунин. Собрание сочинений и писем. Т. III. М., 1935, стр. 408). О популярности легенды о рогатом попе свидетельствует и поэтическая обработка ее Полежаевым («Имам-козел» // Вестн[ик] Евр[опы], 1826, № 11). Позже эту легенду уже в [18]60-е годы вновь слышал Короленко (История моего современника, ч. 1, гл. 8). Народная редакция этой легенды опубликована в сборнике Афанасьева и в ряде сборников украинских сказок (см. назв. выше коммент. к новому изданию сборника Афанасьева).

^m Данное письмо находится в рукописном отделе ИРЛИ: Арх[ив] Бест[ужевых]. № 5582. [Ф. 604. № 13. Л. 165–166 об.].

SUMMARY

A letter from Pavel Bestuzhev has been proposed for publication, the brother of the four Decembrists, about a duel between K. P. Chernov, a member of the secret Northern Society, and V. D. Novosiltsev, the imperial adjutant, has been proposed for publication. It is a significant addition to the already well-known history and is valuable because it was written by a contemporary of the events and a person close to Decembrist circles. The letter contains a reflection of another urban legend about the horned priest. The letter is accompanied by a note by M. K. Azadovsky, who prepared P. A. Bestuzhev's letter for publication, accompanied by his comments. The publication focuses on some aspects of the behavior of the Chernov family members and their entourage regarding the protection of the family's honor.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

История России 1-й половины XIX в., декабристы, дуэль, эпистолярное наследие, городской фольклор, В. Д. Новосильцев, К. П. Чернов, М. К. Азадовский.

KEYWORDS

History of Russia of the 1st half of the 19th century, the Decembrists, the duel, epistolary heritage, urban folklore, V. D. Novosil'cev, K. P. Chernov, M. C. Azadovskiy.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

Батеньков Г. С. Развитие свободных идей // *Батеньков Г. С.* Сочинения и письма. Т. 2. Иркутск, 2015. С. 134 [*Baten'kov G. S.* Razvitie svobodnykh idey // *Baten'kov G. S.* Sochineniya i pisma. T. 2. Irkutsk, 2015. S. 134].

Завалишин Д. И. Воспоминания. М., 2003. С. 122–124 [*Zavalishin D. I.* Vospominaniya. Moscow, 2003. S. 122–124].

Кропотов Д. А. Несколько сведений о Рылееве // *Русский вестник*. 1863. Т. 80. С. 229–245 [*Kropotov D. A.* Neskol'ko svedeniya o Ryleeve // *Russkiy vestnik*. 1863. T. 80. S. 229–245].

Оболенский Е. П. Воспоминания о К. Ф. Рылееве. Предсмертная записка Чернова (писана рукою Александра Бестужева); Условия дуэли флигель-адъютанта Новосильцова с поручиком Черновым; Записка о поединке Новосильцова с Черновым (писана Рылеевым) / Бумаги о поединке Новосильцова с Черновым // XIX век. Сборник 1-й. М., 1872. С. 312–332, 333–337 [*Obolenskiy E. P.* Vospominaniya o K. F. Ryleeve. Predsmertnaya zapiska Chernova (pisana rukoy Alexandra Bestuzheva); Uslovia dueli fligel'-ad'utanta Novosil'ceva s poruchikom Chernovym; Zapiska o poedinke Novosil'ceva s Chernovym (pisana Ryleevym) / Bumagi o poedinke Novosil'ceva s Chernovym // XIX vek. Sbornik 1. Moscow, 1872. S. 312–332, 333–337].

Письма В. Савинова 1825 и 1826 гг. // Шукинский сборник. Т. 7. 1907. С. 350–351 [Pis'ma V. Savinova 1825 i 1826 gg. // Shchukinskiy sbornik. T. 7. 1907. S. 350–351].

Шениг Н. И. Воспоминания // Русский архив. 1880. Кн. III. С. 319–321 [Shenig N. I. Vospominaniya // Russkiy arkhiv. 1880. Kn. III. S. 319–321].

Штейнгейль В. И. Записки о восстании; Письмо В. И. Штейнгейля к М. Н. Загоскину от 10.10.1825 // *Штейнгейль В. И.* Сочинения и письма. Т. 1. Иркутск, 1985. С. 147, 207 [Shteyngeyl' V. I. Zapisky o vosstanii; Pis'mo V. I. Shteyngeylya k M. N. Zagoskinu ot 10.10.1825 // Shteyngeyl' V. I. Sochineniya i pis'ma. T. 1. Irkutsk, 1985. S. 147, 207].

Шубинский С. Н. Дуэль Новосильцева с Черновым // Исторический вестник. 1901. Кн. V. С. 591–602 [Shubinskiy S. N. Duel Novosil'ceva s Chernovym // Istoricheskiy vestnik. 1901. Kn. V. S. 591–602].